шись, в частности, в возврате к комедии, в появлении забавных историй, аналогичных итальянским фацециям, фарсов, пародирующих порядки при дворе или в суде, всевозможного рода памфлетов, наподобие итальянских «инвектив» XV в. высмеивающих того или иного конкретного и обозначенного по имени представителя этих же кругов, но антагониста по отношению к автору, причем без обращения к помощи уподоблений и символов, как это делалось в эпоху средневековья [30]. Прекрасным примером такой византийской «инвективы» является недавно обнаруженный и изданный памфлет, приписываемый знаменитому Иоанну Аргиропулу, едко бичующий не очень-то благовидные поступки, {234} «труды и дни» одного судьи из Фессалоники по имени Димитрий Катавлаттас [31].

В письмах византийских ученых и писателей, в их философских и литературных трактатах ясно выражен интеллектуально-эстетический идеал того времени — καλοκα;'; ΄ γαθία, α;'στειότης, т. е. благородство и утонченность, идеал, заимствованный из античности, но выражавший новое эстетическое восприятие жизни, идеал, в котором сплавились воедино нравственные качества человека и его энциклопедизм и в котором ясно различима ренессансная идея гармонии рационального и прекрасного. Об этом, как мы видели, говорит чувствительность византийских гуманистов к красоте памятников и произведений искусства, об этом же свидетельствует их пристрастие к удовлетворению эстетического чувства созерцанием прекрасного ландшафта, что само по себе является не чем иным, как гуманистическим открытием природы, источника вдохновения. Подобно Франческо Петрарке, описавшему свои чувства, вызванные красотами природы, которые он наблюдал при восхождении на одну из горных вершин в окрестностях Авиньона [32], Феодор Метохит также поведал нам о наслаждении, которое испытал при созерцании моря, неба, звездного хоровода, небесных и других видений (*Theod. Metoch.* Misc. P. 264—271). Причем тогда как великий итальянский гуманист под влиянием «Исповеди» Августина и своей полемики с аверроистами вознегодовал на себя за нечестивые переживания его византийский современник более последователен в своих эстетических воззрениях. По мнению Метохита, созерцать красоту природы и природных явлений и испытывать при этом наслаждение — врожденная способность человека, отличительное свойство, выделяющее его из круга всех других живых существ, да и то это дано только тем из людей, у кого облагорожены чувства и кто в состоянии передать эти ощущения в поэтических образах. Все эти представления знаменуют собой разрыв с традиционной византийской эстетикой прекрасного ландшафта как locus amoenus, исполненного мистической символики вроде «святого древа истинной веры» [33].

Новой для византийской культуры чертой был проснувшийся интерес византийцев к восприятию культурных ценностей соседних народов, который наглядно свидетельствовал о том, что тип византийца-ксенофоба, избегавшего контактов с иноземными культурными кругами, в XIV—XV вв. претерпел существенные изменения. Это характерно и для византийского «естествознания» (например, астрономических штудий, где успех достигался посредством обращения к иноземной, в данном случае персидской, науке), и для гуманитарных знаний. Так, появляется весьма заметная ориентация на западную литературу, чего почти не наблюдалось раньше, расширяется круг переводной литературы с латинского и итальянского языков. Особые заслуги в этой рецепции латинской литературы принадлежат Максиму Плануду, который перевел с латинского на греческий «Сон Сципиона» Цицерона, «Метаморфозы» и «Героиды» Овидия, «Гал-{235}льскую войну» Цезаря, «Утешение философией» Боэция, трактат «О Троице» Августина, вероятно, также «Сатиры» Ювенала, апокрифическое сочинение VII в. «De duodecim abusivis saeculi», приписывавшееся то св. Августину, то св. Киприану, и другие сочинения латинских авторов [34]. Большую популярность приобрели переводы трудов Фомы Аквин-

---

[30] *Oikonomidis N.* Op. cit. Σ. 252.

[31] *Canivet P., Oikonomidès N.* (Jean Argyropulos). La comédie de Katablattas: Invective byzantin du XVe s. // Diptycha. 1982—1983. T. 3. P. 5—97.

[32] *Ревякина Н. В.* Проблемы человека в творчестве Франческо Петрарки // Бахрушинские чтения. Новосибирск. 1974. С. 179.

[33] *Beyer H.-V.* Der «Heilige Berg» in der byzantinischen Literatur // JÖB. 1981. Bd. 30. S. 171— 205.

[34] *Beck H.-G.* Besonderheiten der Literatur in der Palaiologenzeit // Art et société à Byzance sous les Paléologues. P. 44.